

Вареники

– Мам... ты это... ты не обижайся, но если б ты могла..., может быть..., ну, если тебе не трудно... Нам бы еды немножко. Нет, ты не подумай, тут конечно всё есть, просто мы не успеваем, в смысле не попадаем мы вовремя. Вот.

Он ещё что-то басил в трубку. А Лена таяла и растекалась по полу счастливой лужицей. Сыночка! Котёнок родной... Этот самый котёнок, метр восемьдесят и ещё семь сантиметров не во всякую дверь помещался, да и то частенько бочком, был единственным любимейшим сыном. Светом очей и отрадой для чокнутой его мамы. С самого рождения она не могла на него наглядеться! Умница и красавец, каких не сыскать. Она носилась с ним по бассейнам, английским, дзюдо и баскетболам. Таскала на олимпиады по математике и на курсы робототехники. Но будучи воспитанной в лучших советских традициях, хвалила парня не часто. Её-то не хвалили вообще, от слова „никогда”. Сына Елена поощряла, ценила, но без фанатизма. А вот разбор полётов устраивала основательно – без истерик и обвинений, она умела очень доходчиво и наглядно выражать недовольство. Сын понимал её с полуслова.

И вот... Сыночка вымахал под два метра, окончил с отличием все возможные военные курсы и заделался бойцом супер-пупер подразделения. Снайпером. Застенчиво улыбаясь, подал ей на подпись разрешение на призыв в очень боевые части, и глянул так, что не подписать было невозможно. Отслужил, отличился везде и всюду, поступил в университет на факультет аналитики, и, за минуту приняв решение, умчал защищать Родину. Как оба его прадеда в Великую Отечественную.

Про то, что начнётся страшная настоящая война, ещё месяц назад не думалось вовсе. Даже в самых кошмарных снах не виделось. И вот...

- Мамуль, – почти шёпотом, – только нас здесь много.
- Владусь, а много – это сколько? – Елена не любила недосказанности.
- Эээ, – кашель. – Ну, человек двадцать.
- Всего-то? Это точно? Или может ещё кто? И вот ещё вопрос – еду кошерную надо?
- Мам, любую... ты позвони, когда подъедешь, я выйду встретить.

Выйдет. Встретить. Можно будет обнять и услышать родной запах. Самый дорогой на свете...

Елена ринулась в кухню, на ходу соображая, что из имеющихся продуктов можно приготовить, так, чтоб хватило на двадцать очень больших и очень голодных детей. Одной ногой открывая морозилку, Елена быстро тыкала в кнопки рупора души – телефона то есть.

- Софья! Свистать всех наверх, Влад голодный и просит еды.
- Сколько? – сестра-погодка всё понимала на „телепатическом уровне”, как говорил их сосед по коммуналке Михаил Исаакович. В её кухне сразу защёлкали ящики и коробки.

– Так, слышу, процесс пошёл. Их двадцать.

За два часа и тридцать восемь минут в четыре руки Елена и Софья нажарили кур. Налепили пару подносов котлет. Смяли в воздушное пюре пять килограмм картошки, нарезали тазик салата – витамины же! И задумались... Чего- то не хватало.

– - Может, пельменей им наварим?

Пельменей не оказалось, но в обеих морозилках были обнаружены три с половиной пачки вареников с мясом. И одна с картошкой. Их наварили и перемешали, засыпали жареным луком и утрамбовали в огромную термо-утятницу. Литров на пятнадцать.

– Термокастрюлю им не отдавай! – взмолилась Софья. Сие изобретение человечества было её личным достижением в обоих хозяйствах, и использовалась она на всех праздниках и пикниках. – Не вернут же!

В багажник ко всем съестным припасам сложили старенькую миску. Вареники доедут тёпленькими, а там переложим...

Елена, как стояла в спортивных штаниках и коротенькой спортивной худи-кофточке, впрыгнула в любимую свою машинку и рванула „на юга”, в сторону военной базы, на которой оказалось подразделение её сына. Что такое полтора часа езды для матери, которая два месяца не видела своего сына? Сына, который ушёл на войну...

Чтобы не устать, всё-таки десять часов до кухни она уже отпахала, и чтобы миленько скоротать время Елена-краса врубила дивную музыку. Такие дыц-дыц песни, которые подбрасывают, бесят своей тупостью и прилипают, как банный лист. Пропев пять раз „Нас не догонят”, „А я хочу перемирия” и „Твои глаза”, Елена вынуждена была ответить на звонок сестры.

– Сонь, я ору песни, Еду и у меня всё в порядке. Честно. Питьё? Нет, не купила. Ну, ты даёшь? А где ж я им среди ночи попить куплю?! А! Окей, буду искать заправку... Хорошо. Не приставай...

Софья не смогла отправиться в экспедицию к военной базе по причине заболевания младшей дочери. Мужей у обеих сестёр не было, так уж вышло. Жили они очень дружно, растили на двоих троих детей – Влад был самым старшим из ребёнков. Самый-самый.

Тёмное ночное небо на самом горизонте меняло цвета огненного марева. Бумы и грохот подозрительно часто слышались как бы вдалеке, но что-то уж очень отчётливо. Страшно Лене не было, но спина предательски немела от каждого бума. Вцепившись в руль, она погромче включила музон и с извечным „яжемать”, победно одолела последние километры.

У базы было очень шумно и неожиданно весело. У главных ворот спешили возвращающиеся офицеры, на стоянке толпились разинувшие двери и багажники автомобили всех мастей. Мама и папы деловито метали „на гора” привезенные сокровища.

Елена лихо промчала освещённую площадку стоянки и направилась по просёлочной дороге к следующему въезду.

„Нормальные герои всегда идут в обход!“ – напевала она детскую песенку, и неслась навстречу ночи быстро, как могла. Во-первых в багажнике остывали вареники... Во-вторых через несколько минут уже можно будет обнять сыночку... Нет, наверное всё-таки наоборот, во-первых обнять, во-вторых вареники...

Влад вышел счастливый и довольный, сияя, как тот медный пятак. Мама! Примчала среди ночи с едой. Он гордился ею ужасно, а она тыкалась ему в грудь, обнимала и перебирала пальцами, внюхиваясь, стараясь запомнить этот родной до боли, до каждой пылинки, запах сына... Лена изо всех сил старалась не реветь, придурковато улыбалась, не понимая, что огромные слёзы градом катятся из обоих глаз. И вдруг... каким-то боковым зрением она увидела их. Мальчиков из его подразделения, которые вышли её встречать вместе с сыном. Помочь забрать еду, одному же не унести... Они неловко переминались с ноги на ногу, опуская глаза и пряча робкие вздохи.

– Стоп! – скомандовала Елена. Себе в первую очередь. – Если есть ещё желающие пообниматься – я готова! – пошутила чокнутая мамаша.

Все семеро, без исключения, кинулись обниматься. Она перецеловала и переобнимала их всех, перегладила курчавые пыльные бошки, приговаривая, обожая их всех, больших и очень грязных детей, наполняя их самой большой и горячей любовью, какая только может быть на свете.

Последним в очереди на обнимания оказался взрослый мужик, который наблюдал всю эту картину стоя поодаль у своего джипа. С разбегу Елена кинулась любить и его, сердечно прижимая изо всех сил, под общий уже хохот всей компании. Пахло вкусным одеколоном и чистой одеждой.

– Ой, ну что вы ей Б-гу..., – Елене было очень неловко.

Мужчина был очень красивый – вот именно так, как надо. Подтянутый, с красивой стрижкой, тронут сединой, и с чуть заметной щетиной в конце рабочего дня, смесь Броснана и Бреда Пита. Не сегодняшнего, а того, что раньше. Флюиды проскакали в обе стороны и сбили дыхание обоих.

Обниматься с чужим мужиком ей неожиданно понравилось. Очень. Перегрузили еду, завалив всех семерых солдат сумками с бутылками, упаковками одноразовой посуды, блестящими подносами с едой. Наверх водрузили огромную миску в наивный горошек, доверху наполненную горячими варениками. Все не влезли, и некоторая их часть сиротливо плавала в масличке в термокастрюльце.

Чужой мужик опять притаился в позе ленивого тигра в сторонке у своего вездехода. Он так громко сглотнул накатившую слюну, что Елена рассмеялась. Мальчики, поблагодарив сто тысяч раз, вернулись на базу, она уже утрамбовывала в багажнике одеяла и полотенца. Как зачем?! А чтобы еда не остыла. У вас что, не было бабушки, которая заворачивала котелок с гречкой в одеяло и прятала это таинство под подушку? А как по-другому то?

– Ой, ну что ты там так громко молчишь?! Иди, доедим что-ли...

Это уникальная черта всех израильтян. Начинать разговор повсюду с чужими людьми так, будто знакомы много лет. И отсутствие в языке официального „вы” как такового.

– Ой, а что правда можно? – тигр в секунду оказался совсем рядом. Ленино сердце звонко ойкнуло и ухнуло вниз как на американских горках.

– Очень вкусно, просто бомба! Это ты сама?

– Что? Лепила? Нет, когда мне. Но выбирала я, – хохотала Лена, уплетая блестящий вареник. Ела она, оказывается, сегодня только утром.

Потом ждали дочку Рея, так звали тигра. Он был давно разведён, девочку растил сам и вообще был очень ответственным папаней. Он привёз ей тёплые вещи. Полосатые носочки эльфов тронули до слёз. Вскоре им навстречу выпорхнул золотистый одуванчик. Есть такие девочки, глядя на них, губы сами растягиваются в улыбке. Она прибежала на одну самую маленькую минуточку, ведь никто ж не знает, но девчонки обещали прикрыть, если что, ой, как жаль, а шоколадки нет? Даже самой-самой малюсенькой? И одуванчик просительно заглянул в папины глазки... Папа готов был провалиться. А ведь он знал, но конфетки остались в кухне...

– Рега!!! – боевой клич индейцев в прериях, Еленина попа торчит из машины, неразборчивые звуки переворачиваемой сумки – и оп-ля-ля!!! Швейцарский шоколад с малиновой крошкой... Одуванчик валится папе на ручки от счастья, обнимает Елену, как родную, в который уже раз за вечер... Все счастливы.

Безумно.

Безудержно.

Безмерно.

Так, как могут ощущать счастье насмерть перепуганные люди.

– Эй! Соня!!!! Ты проснулась? – хриплый голос крадущегося тигра в трубке и мурашки слонами по всему телу. – Там в кофеварке свежий кофе. Хорошего дня.

Елена обнимает трубку и беззвучно ревёт. Ей страшно за сына. И за всех этих детей, которые вдруг по-всамделишному ушли на войну. И обидно, что Сонька сестра всё это пропустила, и она не верит своему счастью, но почему-то однозначно ясно, что тигр в её жизни – это навсегда. И невероятный одуванчик вместе с ним. И ещё потому, что совершенно вдруг непонятно – как она могла жить без них столько времени. И вообще...

По кухне плывёт кофейное облако. А на любимом бабушкином блюде лежат два горячих ещё круассана. Сдвинутые в форме сердечка. И записка:

„У нас закончились в-а-р-е-н-и-ч-к-и”. ♡

Алёна БАСКИН.